

ХИМИКО

СЫНЫ
ПОДНЕБЕСНОЙ

ОЛЬГА КУЛИКОВА

Ольга Куликова

Химики. Сыны Поднебесной

<https://litres.ru/74653212>

SelfPub; 2026

Аннотация

Из далекой Поднебесной плывут к берегам Ва посланцы императора. Капитан Сунлинь мечтает нести свет цивилизации в варварские земли. Однако он и представить не может, какие страшные и невероятные события ждут его в краях, где древние ками говорят через дев-шаманок, а власть принадлежит сильнейшему.

Отыщут ли сыны Поднебесной то, за чем послала их родина? На что придется пойти, чтобы увезти с собой главное сокровище чужого народа?

Тот, кто считает, будто у всего есть цена, пусть скажет, сколько стоят любовь и надежда!

Содержание

ЧАСТЬ I	4
ГЛАВА I	4
ГЛАВА II	15
ГЛАВА III	21
ГЛАВА IV	27
ГЛАВА V	35
ГЛАВА VI	47
ГЛАВА VII	58
ГЛАВА VIII	64
ГЛАВА IX	74
Конец ознакомительного фрагмента.	78

Ольга Куликова

Химики. Сыны

Поднебесной

ЧАСТЬ I

ГЛАВА I

Мудрец Кун Цзы говорил, что жить надлежит так, чтобы, испуская последний вздох, человек мог сказать: я горд каждым прожитым днем и ни за что, сделанное в своей жизни, не испытываю сожаления. Вэй Шэнли не соответствовал этому канону по двум причинам. Во-первых, он еще не собирался испускать последний вздох, а во-вторых – мудрецом, как почтенный Кун Цзы, не был. Но он определенно мог сказать, что всю свою жизнь *старался* исполнить завет учителя. Старался жить, не двоедушничая, не совершая недостойных поступков. А решаясь на что-либо, старался прислушиваться и к разуму, и к сердцу.

Вэй вертел в руках личную печать из нефрита, удостоверяющую подлинность всего, что только что изложил на лежащем перед ним куске шелка. Сомнения одолевали его. Как

будто бы за одним плечом у него стоял сам Кун Цзы и строгим взглядом из-под кустистых бровей вглядывался в столбцы иероглифов. А за другим стоял некто, кто молил Вэя остановиться. Может, то была Инъэр, его любимая жена?

Вэй колебался.

С человеком, которому было адресовано письмо, Небо свело его два года назад. Тогда приказом императора он во главе тысячи воинов был направлен в уезд Улин провинции Цзи для усмирения разбойников. Местные власти в борьбе с ними не преуспели. Злодеи нападали на дома чиновников, грабили, убивали хозяев. Награбленное потом всплывало у сомнительных продавцов, да только поди докажи, что подвеска, купленная для наложницы господином таким-то, была снята с убитой жены сановника! Неслыханная ловкость и неслыханная дерзость, скажете вы. И будете правы.

Однако, пока дело ограничивалось грабежами, никто в столице предпочитал не вмешиваться в такие дела. И лишь когда на местах преступлений стали появляться послания, гласившие, что нападавшие призывают всех людей Поднебесной восстать против лживых сановников, ввергнувших страну в нищету и голод, император вынужден был обратить свой взор на провинцию Цзи.

Вэй Шэнли – военачальник, не раз доказавший свою смелость и преданность, был отправлен в уезд с приказом усмирить злодеев.

Принят Вэй был с большой радостью. Его боевую конницу

разместили в казармах, а самого нижайше просил погостить у себя начальник уезда, почтенный господин Во. Он усадил гостя на террасе, выходящей в парк, в одном из павильонов своего красивого дома, и, потчужа лучшим чаем и сладостями, стал рассказывать о том, что происходит в уезде.

Главная неприятность, по словам начальника, заключалась в том, что этих разбойников было не отличить от простых крестьян! Стоило злодеям совершить нападение, и они тут же растворялись среди местной бедноты. Те ни в какую не желали выдавать негодяев!

– Мы уж и не знаем, что еще предпринять! – причитал Во, нервно обмахиваясь изысканным лиловым веером.

И все же, кое-что о нападавших выяснить удалось: было установлено, что руководит ими некий Чжан Цзяо, проживающий в одной из деревень уезда. Престарелые родители Чжан Цзяо были немедленно взяты властями в заложники, а затем казнены. Однако никакого эффекта эти действия не возымели. Напротив – после публичной казни стариков злодеи продолжили нападать с удвоенной жестокостью и коварством. И если раньше ограничивались убийствами и грабежами, то теперь стали поджигать усадьбы, что было крайне опасно, так как огонь легко перекидывался на соседние здания, нанося ущерб всему городу.

– Но отчего же, уважаемый Во, – воскликнул Вэй Шэнли в этом месте рассказа, – крестьяне покрывают этих убийц?

– Ну как же! – воскликнул в ответ начальник уезда. – Зло-

деи ведь отдают им награбленные деньги! Вот, не далее как десять дней назад разбойники напали на дом чиновника девятого ранга господина Чжу, что служит в уезде помощником судьи. Из дома исчезло более двухсот связок монет! И где, вы думаете, эти деньги сейчас?

– Однако, уважаемый Во, – возразил Шэнли, – откуда известно, что злодеи сделали с деньгами?

Во пожал худыми плечами и многозначительно произнес:

– Слухи, уважаемый Шэнли!

– Слухи? – удивленно переспросил тот.

– Именно так. Слухи – вещь крайне важная, когда пытаешься вызнать правду. Истину не утаить! – Во поднял палец вверх, словно разъясняя собеседнику очевидные вещи. – Она всегда просочится. И там, где нет возможности сделать это открыто, истина принимает форму слухов.

– Вот оно что! – понимающе закивал Вэй Шэнли.

Подумав немного, он предложил:

– Давайте же, уважаемый Во, сделаем так, чтобы слухи послужили и нам.

– Что вы имеете в виду? – поднял седые брови его собеседник.

– Пустите слух, будто я привез из столицы сундук с золотыми монетами в качестве подарка от императора за вашу безупречную службу. И передать этот сундук в ваше распоряжение собираюсь после тщательной инспекции, которая будет длиться семь следующих дней. До этого времени я бу-

ду хранить его в доме, который вы, уважаемый Во, выделите мне на время пребывания в уезде.

Во нахмурил лоб. Усы его встопорщились от того, что он не прекращая жевал губами, будто проговаривая про себя некие слова.

– Не думаете ли вы... – осторожно начал он, когда Шэнли умолк. – Если я правильно понял вас, дорогой гость...

– Да, – ответил тот, – вы меня абсолютно правильно поняли. Я имею приказ от императора покончить с бунтовщиками любой ценой. Однако же сын Неба – отец для всех своих подданных и не любит карать более чем необходимо. Давайте попробуем взять бунтовщиков хитростью.

В этот же день Вэй Шэнли поселился в красивом доме, который в уезде всегда держали готовым для столичных гостей. Дом был невелик, но обставлен с изысканностью. Одна из веранд выходила в небольшой парк. Стена, окружающая постройки, была невысокой, что Вэя более чем устраивало.

Следующие семь дней столичный посланник с большим интересом вникал во все, что происходило в уезде, не забывая прислушиваться к разговорам. А начальник уезда господин Во, сияя, словно начищенная монета, всем рассказывал о том, что скоро станет обладателем сокровища, которое император прислал ему в благодарность за безупречную службу.

Вышеперечисленное происходило у всех на виду. А вот какие дела обставлялись в тайне. Вэй Шэнли под покровом

темноты в первую же ночь провел в дом двадцать вооруженных воинов, велел им занять покои и ни под каким предлогом не показываться на улице. Воинам было приказано посвящать досуг медитациям и благочестивым беседам, избегая споров, чтобы никто снаружи не мог догадаться о присутствии в доме большого числа людей. Причем спать надлежало в светлое время, а бодрствовать ночью. Сам же Вэй вынужден был изображать инспекцию, а потому отдохнуть ему толком не удавалось все то время, что он разыгрывал это представление. К седьмой ночи посланник был вымотан и устал, но от своего плана отступать не собирался. Вэй был уверен, что разбойники покажутся – слишком велик был соблазн завладеть золотом до того, как оно попадет под охрану начальника уезда.

И план его сработал. На седьмую ночь в дом проникли шестеро людей, одетых в черные облегающие одежды. Лица их были скрыты под масками. Это были те самые разбойники-бунтовщики, решившие ограбить посланника. Однако Вэй Шэнли недаром славился не только быстрым мечом, но и хитростью: вместо двух телохранителей, везде ходивших за военачальником, в доме грабителей ждали двадцать вооруженных людей, которые к тому же и не думали спать. Все бунтовщики были пойманы и задержаны, а их главарь доставлен к Вэю для допроса.

Вэй нынешний глубоко вздохнул, вспоминая ту давнюю

беседу. Коренастый человек, сидевший перед ним той ночью, имел самую заурядную внешность. Широкое, ничем не примечательное лицо. Маленькие, близко посаженные глаза. Нос, лишенный всякой аристократичности. Такого и впрямь не отыскать в толпе крестьян! Бровь его была рассечена. Кровь сочилась тонкой струйкой, отчего разбойник время от времени прикрывал глаза.

Вэй внимательно рассматривал его, ожидая, когда тот скажет что-нибудь, но бунтовщик сидел молча, сжав тонкие губы в линию и уставив глаза в земляной пол.

– Как тебя зовут? – наконец спросил Вэй.

Человек поднял на него взгляд и с покорностью в голосе произнес всего одно слово:

– Ли.

– Ли? – усмехнулся Вэй. – В Поднебесной людей, носящих эту фамилию, больше, чем звезд на небе! Больше, чем рыбы в реке Чанцзян¹!

Бунтовщик опустил взгляд и ничего более не сказал.

– Мне доложили, что ты у нападавших за главного, – снова сказал Вэй, не спуская с него внимательных глаз. – Ты кажешься мне человеком неглупым, Ли, поэтому слушай внимательно. Император прислал меня в этот уезд, чтобы усмирить бунты любой ценой. Ты, должно быть, слышал о прибывшей из столицы боевой коннице и, думаю, понимаешь,

¹ Рекой Чанцзян в III веке в Китае называли реку Янцзы – самую длинную реку в Китае, и третью по протяженности в мире.

что эти воины обучены не щадить никого.

Брови человека едва заметно дрогнули, губы сжались еще сильнее, но тем не менее он не проронил ни звука.

– Главарь бунтовщиков Чжан Цзяо, а также его ближай-
шие приспешники должны быть казнены, – сурово произнес
Вэй. – Нападения и призывы к бунту должны прекратиться.
Если для Чжан Цзяо имеет значение, будут ли жить, или ли-
шатся жизни люди, укрывавшие его, он сдастся добровольно.

– Чжан Цзяо никогда не позволят сдаться, – угрюмо про-
изнес пленный. – Он слишком важен. Без него не останет-
ся надежды у мужчин, которым нечем кормить престарелых
родителей, и у матерей, продающих детей в рабство, чтобы
не дать им умереть от голода.

Ли наконец оторвал глаза от пола, и Вэю показалось, что
на мгновение на лице пленника отразились обуревавшие его
чувства. Но он тут же снова взял себя в руки. Взгляд его по-
гас, плечи ссутулились.

– Нас душат непосильными налогами, – глухо продолжил
он. – Мы отдаем все, что имеем, и все еще остаемся долж-
ны. А бесчестные женщины и алчные евнухи, захватившие
власть в столице, жируют, нисколько не заботясь о том, каково
живется здесь простым людям!

– Что ты знаешь о столичной жизни? – усмехнулся Вэй.

– Кое-что знаю, – мрачно ответил пленник. – Пусть я и не
обучен чтению, но знаю и то, о чем говорил Кун Цзы. Млад-
ший обязан почитать старшего, но старший обязан давать

младшему защиту. Разве это не так?

Вэй удивленно вскинул брови.

— Это мудрые слова, Ли. Однако угроза государственному устройству — деяние недопустимое, влекущее суровое наказание. Так как опасность, что несет оно, велика. Чжан Цзяо будет казнен. Единственный вопрос состоит в том, сколько человек умрут вместе с ним. Я даю вам время до заката завтрашнего дня. Чжан Цзяо и его ближайшие приспешники должны прийти и сдаться. В случае, если этого не произойдет, мои воины начнут казнить крестьян, как пособников бунта. И будут делать это, пока те сами не выдадут главаря. Сейчас же ты и твои соратники свободны. Возвращайтесь туда, откуда пришли, и передайте мои слова Чжан Цзяо.

Произнеся эту суровую речь, Вэй Шэнли отпустил всех шестерых пленников.

На закате следующего дня к воротам города пришли двадцать человек, заявив, что они во главе со своим предводителем Чжан Цзяо желают сдаться властям.

Начальник уезда ликовал. Вэй же вглядывался в хмурые лица, надеясь разглядеть среди них человека, с которым говорил ночью. Этот человек показался ему умным собеседником, мыслящим рассудительно. Однако его широкого лица с близко посаженными глазами среди пришедших не было.

На рассвете следующего дня пленников казнили. Их отсеченные головы сложили в корзину, которую выставили на площади, чтобы всякий горожанин мог плюнуть туда. Голо-

ву же того, кто назвался их главарем, насадили на пику, чтобы еще больше утратить всякого неразумного, решившего помыслить о бунте.

Нападения прекратились. Вэй вернулся в столицу доложить императору об исполнении приказа.

И вот теперь, спустя два года, странные слухи поползли из уезда Улин. Поговаривали, будто люди там надевают на голову желтые повязки и призывают желтое небо справедливости взамен бесчестного синего неба династии Хань. Разжигают же эту смуту даосские маги, помогают которым три брата по фамилии Чжан, старшего из которых зовут Чжан Цзяо.

Император гневался. А недруг Вэя евнух Тянь Ху и вовсе кричал, брызжа слюной:

– Как тебе можно доверять, Вэй Шэнли?! Сын Неба отправил тебя убить этого негодяя, а ты что сделал?

Вэй твердо отвечал, что в уезде Улин, должно быть, объявился самозванец, потому что настоящий Чжан Цзяо сдался властям и был казнен два года назад.

Вэй все еще пребывал в нерешительности. Из головы его не шли слова пленника о бесчестных женщинах и алчных евнухах, захвативших власть в столице. Нужно признать, что этот крестьянин был недалек от истины! Вэй Шэнли должен был выбрать, кому он верен: Сыну Неба, держащему в руках власть над Поднебесной, или же самой Поднебесной – госу-

дарству, светочу знаний, цивилизации и порядка.

Решившись, военачальник резким движением снял колпачок с печати и опустил руку на шелк, оставив под столбцами иероглифов маленький черный символ. Затем аккуратно свернул написанное, еще одну печать поставил так, чтобы никто не мог развернуть свиток, не сломав ее, и, поднявшись, направился к выходу из своих покоев.

Там его встретил слуга – человек тучного телосложения, все это время неслышно стоявший за зановеской, отделявшей покои Вэя от остальной части дома. Вэй Шэнли, послав слуге многозначительный взгляд, протянул письмо. Тот почтительно принял его, поклонился, и тут же, словно большую ценность, спрятал в рукав просторных одеяний².

– Вы все-таки решились, господин? – осторожно спросил он.

– Да, Ченглей, – ответил Вэй. – Постарайся доставить его тайно и как можно скорее. Выезжай сегодня же ночью через ворота Шансимэнь. Тебя пропустят без вопросов.

– Сделаю все, как вы велите, – ответил слуга с поклоном. – А сейчас с вашего позволения пойду приготовиться к дороге.

Вэй отпустил верного человека, а сам еще долго стоял в задумчивости, глядя ему вслед. Старик Кун Цзы за его плечом одобрительно кивал бородатой головой.

² Рукава в традиционной китайской одежде благодаря специальной форме исполняли функцию карманов.

ГЛАВА II

Под покровом темноты Хо Ченглей верхом на приземистом жеребце ехал к воротам Шансимэнь. Конь его был не так красив, как золотые ферганские жеребцы – любимцы императора, однако силой и выносливостью не уступал, и даже превосходил их, а скакать без отдыха мог от рассвета до заката.

Когда Ченглей сказал господину, что хотел бы сделать приготовления перед дорогой, то имел в виду лишь то, что собирается плотно поужинать, прежде чем отправляться в путь. В иных приготовлениях нужды не было: жены или других членов семьи Ченглей не имел, а потому не было и необходимости предупреждать кого-то о поспешном отъезде.

Но как, можете спросить вы, слуга важного человека, каким без сомнения являлся Вэй Шэнли, мог быть одинок? Родственники у Ченглея были, но жили далеко, в приграничном уезде Ланьчжоу, и связи с ними Хо Ченглей не поддерживал.

Был он третьим сыном мелкого чиновника, который служил в уезде писарем. После смерти отца ранг его, а также какое-никакое наследство должны были отойти старшему брату. Брату среднему также полагалась небольшая часть скопленных денег, а вот самому Ченглею нечего было и надеяться воспользоваться родительским добром. В родном уезде

участь его ждала незавидная, а потому Ченгле́й решил попытать счастья в столице. Отец желание сына не поддержал и заявил, что проклянет, если тот решит оставить родину. А мать собрала нехитрой снеди, дала сколько-то денег и попросила писать, как устроится на новом месте.

Ченгле́й обещание исполнил и несколько раз в год исправно писал матушке о том, как ему живется. Однако пять лет назад мать его умерла, и с тех пор Ченгле́й связь с семьей не поддерживал.

В столице он некоторое время переходил из одного места в другое, пытаясь найти занятие по душе, пока однажды Небо не свело его с Вэем Шэнли. Оба они быстро прониклись взаимной симпатией, и Вэй предложил Хо Ченглею стать его слугой и телохранителем. С тех пор Ченглея всегда можно было увидеть рядом со своим господином. Жил он в его доме, чтобы в случае надобности быть под рукой. Женитьбе предпочитал общество певичек и всякому спрашивающему отвечал, что куда приятнее проводить время с улыбочивой изысканной барышней, чем со сварливой женщиной, которой годы не прибавляют красоты. К тому же Ченгле́й любил вкусно поесть, и со временем из мужчины плотного стал дородным и даже полным. Что, однако, не отразилось на его ловкости: надо сказать, что Хо Ченгле́й немало времени уделял упражнениям в стрельбе. Глаз его был зорек, словно у ястреба. Да и полные руки держали меч и копье с большим умением.

Итак, Хо ЧенглеЙ в темноте подъехал к воротам Шансимэнь. Стража, увидев всадника в такое время, сперва велела ему убраться. Однако ЧенглеЙ произнес пароль, переданный ему господином: «золотой пион», после чего отношение стражников, словно по волшебству, поменялось.

– А, господин Инкогнито! – любезно крикнули ему из темноты. – Что же вы сразу не представились? Будьте добры, подъезжайте ближе! Сей же час откроем для вас ворота! И не забывайте эти же слова произносить всякий раз, как будете проезжать заставы!

Хо ЧенглеЙ проехал через открытые ворота и совсем скоро снова пропал из виду, растворившись в темноте.

От природы ЧенглеЙ был человеком внимательным и осторожным. Однако, выезжая из ворот Шансимэнь, был погружен в мысли о том, какую дорогу следует избрать, чтобы добраться до места в кратчайшие сроки. И именно поэтому не заметил, что от самого дома господина его сопровождал тайный соглядатай.

Темная фигура, облаченная в просторные одежды, скрывавшая лицо под большим капюшоном, следовала за посланником верхом. Копыта лошади, на которой сидела фигура, были обмотаны материей, чтобы производить меньше шума. Таинственный всадник следовал за Ченглеем на безопасном расстоянии, тем не менее, не теряя из виду. Когда тот скрылся за воротами, незнакомец выждал еще немного, а потом

тоже подъехал к воротам, чтобы расспросить стражу.

– Кого это вы выпустили из города в такой час? И по какому делу? – требовательно спросил он.

Стражники сначала принялись отпираться. Дескать, не было никого. До утра без особого распоряжения из города никому не выехать. Тогда незнакомец спешился, подошел ближе – так, чтобы на фигуру его попадал свет от факелов, и, приблизившись, откинул капюшон с лица.

На стражников посмотрели его маленькие внимательные глаза. Ресницы и брови были тонкими и почти бесцветными, отчего казалось, что глаза были самой важной частью на этом одутловатом лице. Голова незнакомца была обрита. Все остальное по прежнему скрывали просторные одежды.

– Ну так что, – холодно произнес он, – вы продолжаете настаивать, что никто не выезжал за ворота?

Стражники сконфуженно переглянулись и признались, что одного всадника они все-таки пропустили, но перед этим тот человек назвал пароль, известный лишь узкому кругу лиц.

– Куда же направился этот всадник? – все так же холодно произнес незнакомец.

– Не можем знать! – раздался виноватый голос старшего из стражи. – Человек, отдавший приказ пропускать тех, кто назовет пароль, строго запретил приставать с расспросами.

– И кто же этот человек? – с ядом в голосе, словно змея, произнес незнакомец.

– Военачальник Вэй Шэнли! – ответил страж.

– Ах вот оно что! Ну а теперь, стража, послушайте-ка меня. С сегодняшнего дня вам надлежит уведомлять меня каждый раз, когда пропускаете кого-то от военачальника Вэя. Дешешу направляйте во дворец. Лично мне, Чу Сяхуаню, или придворному евнуху Тянь Ху. Грамотные среди вас есть? – произнес он насмешливо.

– Есть, – ответили стражи.

– Вот и хорошо. И запомните: если попробуете утаить что-нибудь, лишитесь голов как пособники бунта!

С этими словами человек развернулся и, взмахнув полой темного одеяния, направился к своему коню.

Это был Чу Сяхуан, первый подручный придворного евнуха Тянь Ху. Того самого, что являлся главным недоброжелателем Вэя при дворе императора. О Тянь Ху шла слава, как о стяжателе и продажном человеке. Однако же он обладал большой силой и влиянием.

Чу Сяхуан знал, что еще застанет господина бодрствующим – тот редко ложился спать раньше начала четвертой стражи³. А потому направился напрямик к нему, чтобы рассказать о том, что личный слуга Вэя Шэнли под покровом ночи выехал из города по какому-то тайному делу. Тянь Ху считал, военачальнику есть, что скрывать. А раз так, то узнать о ночном происшествии ему необходимо.

³ По древнекитайскому исчислению времени начало четвертой стражи соответствовало часу ночи.

ГЛАВА III

Слова крестьянина из уезда Улин о бесчестных женщинах и алчных евнухах, захвативших власть в Лояне, по сути своей были очень точны. И Вэй Шэнли, хорошо знакомый с положением дел в столице, не мог не отметить этого. Оттого эти слова и врезались ему в память настолько, что даже по прошествии двух лет военачальник вспоминал их.

Здесь нужно сказать о том, что император Лин-ди, повелевавший Поднебесной в те годы, имел обширный гарем, число женщин в котором в наивысшее время достигало трех тысяч. Император, должно быть, и сам не мог с точностью назвать число наложниц — всеми делами, связанными с заботами об этих дамах, занимались евнухи, которых тоже требовался целый штат, и в какие-то годы число их доходило до десяти тысяч. Среди остального люда евнухи и впрямь считались людьми жадными и расчетливыми, стремящимися любое дело обставить с выгодой для себя.

В гарем подбирались девушки из благородных семей, имеющие соответствующее образование. Умеющие привлечь не только красотой внешней, но и обязательно искусные в музыке, стихосложении, танцах и других искусствах.

Необходимо добавить, что в гареме присутствовала своя иерархия, и дамы, к которым император особенно благоволил, пользовались обширными привилегиями и большим

влиянием. И зачастую они склоняли сына Неба принимать решения, выгодные для их семей. Например, освободить такой-то дом от налогов на тридцать лет, или отдать во владение богатые земли.

Над всеми евнухами стоял Тянь Ху – человек необыкновенного ума, но и большой алчности. Ничто во дворце не проходило мимо его зоркого глаза и чуткого уха. Тянь Ху был осведомлен обо всех дворцовых делах и интригах. Он умело манипулировал этим знанием, ведя разговоры с императором, который любил Тянь Ху – ведь у того всегда был заготовлен такой ответ, который придется по сердцу сыну Неба.

Из всех людей во дворце евнух Тянь Ху был более всего дружен с императрицей Хэ – дамой, стоявшей по своему положению несравнимо выше всех наложниц, подарившей императору долгожданного наследника. Это была прелестная молодая женщина, глядя на хрупкую фигуру и миловидные черты которой, всякий не усомнился бы в ее кротком нраве и податливом характере. Едва ли кто-то мог вообразить, что с ее красиво очерченных губ может срываться что-то кроме нежных речей. А уж представить в гневе очаровательное лицо с аккуратным носиком и глазами идеальной миндалевидной формы и вовсе было невозможно!

Однако те, кто имел счастье быть знакомым с императрицей Хэ ближе, знали, что внутри этой женщины скрыта суть, твердостью не уступающая стали. Сам император не мог ее

изменить. Небо, наделив Хэ красотой, не забыло наделить и проницательностью. Дама эта обладала достаточным умом, чтобы скрывать его, и лишь небольшому дружескому кругу дозволено было слышать ее рассудительные суждения и вести приятную образованному человеку беседу.

Был поздний час, время приближалось к середине третьей стражи. Тянь Ху и императрица Хэ пили чай в ее покоях и неспешно разговаривали о том, что важного произошло с момента их прошлой встречи.

– ...а также, – продолжил Тянь Ху, осторожно стяв пиа-лу на изящный лакированный стол, – сын Неба распорядился выделить значительные средства на постройку дворца для любимой наложницы Юй за территорией гарема.

Аккуратные брови императрицы чуть заметно приподнялись вверх.

– Дворца? – переспросила она мелодичным голосом.

Евнух многозначительно кивнул.

– Госпожа Юй, должно быть, очень талантлива, если сумела привлечь сына Неба настолько, что он обещал ей дворец, – задумчиво произнесла императрица.

– О да, – с готовностью согласился Тянь Ху. – У госпожи Юй исключительный талант к игре на цитре. Она ежевечерне услаждает слух сына Неба вот уже вторую луну!

На красивом лице императрицы отразилось лишь легкое удивление. Тянь Ху внутренне забавлялся и одновременно наслаждался ее выдержкой. Он не знал другой женщины,

умеющей так мастерски держать лицо.

– Поведайте мне, любезный Тянь Ху, – продолжила между тем императрица, – эта благородная дама, должно быть, юна?

– Скоро госпоже Юй исполнится шестнадцать, – с готовностью ответил евнух.

– Ах вот оно что! – улыбнулась императрица, позволив показаться между губами краям жемчужных зубов. – Она, действительно, очень молода. И, должно быть, была совсем девочкой, когда приключилась печальная история с наложницей Ван. Оттого и не помнит ее.

– Бедняжка госпожа Ван! – сочувственно закивал евнух. – Та самая, что была отравлена злодеями?

– Да-да, – с теплой улыбкой подтвердила императрица. – Та самая, мать второго сына императора, которая была отравлена, когда позволила себе думать, что является чем-то большим, чем есть на самом деле.

Несколько мгновений она задумчиво смотрела вдаль, а потом все тем же нежным голосом произнесла:

– Дорогой Тянь Ху! Будьте добры уведомить госпожу Юй, что завтра я навещу ее. Пусть будет готова и примет меня в соответствующем виде. Я тоже желаю послушать, как она играет на цитре.

Евнух кивнул, осторожно делая из пиалы глоток чая.

– Мне кажется, – продолжала между тем императрица, – что она передумает на счет дворца. Если госпожа Юй так же умна, как красива и искусна в музыке, то должна понимать,

что порой наложницам безопаснее оставаться в гареме. Мне думается, она согласится принять в дар одежды и украшения и откажется от мысли иметь собственный дворец.

Они поговорили еще немного, перемывая косточки обитателям Лояна, что обоим доставляло большое удовольствие, после чего евнух покинул императрицу, сославшись на поздний час.

Тянь Ху имел в Лояне собственный большой дом, однако ночевать предпочитал во дворце, дабы ничто, что происходит в нем, не ускользнуло от его внимательных глаз.

Когда он в сопровождении телохранителя добрался до своих покоев, то обнаружил, что у входа его поджидает Чу Сяхуан – доверенный и преданный слуга. Отпустив стражника, Тянь Ху пригласил Чу Сяхуана проследовать внутрь покоев, чтобы поговорить без свидетелей. Он видел, что его помощник устал: белесые ресницы, казалось, готовы были сомкнуться, и выглядел он очень утомленным. Тем значимее должна была оказаться новость, что он принес, решив не дожидаться утра.

– Что случилось? – обратился к нему Тянь Ху. – Отчего ты пришел в такое время?

– Господин, – с поклоном ответил слуга, – только что я сам видел, как Хо Ченглеи, доверенный человек военачальника Вэя Шэнли, под покровом ночи выехал из города.

– Куда? – тут же спросил евнух.

– Неизвестно.

Тянь Ху с минуту размышлял, прохаживаясь взад и вперед по комнате. После чего снова спросил слугу:

– Он ехал один?

– Да.

– Была ли его лошадь навьючена?

– К седлу была приторочена дорожная сумка.

– Хорошо, – произнес Тянь Ху, глядя на собеседника. –

Сделаем вот что. Пошли людей в придорожные харчевни по нескольким направлениям. Хо Ченглей – фигура приметная. Пусть расспросят, не заезжал ли к ним путник, похожий на него. И если он объявится где-то, поручи непременно разузнать, куда направлялся и о чем разговаривал с людьми. Нескольких надежных людей отправь в уезд Улин. Мне отчего-то кажется, что путь Хо Ченглея лежит именно туда. И если это действительно так, я хочу знать все, что он там предпримет!

– Сделаю все, как вы велите! – заверил евула Чу Сяхуан.

С этим Тянь Ху и отпустил его. А сам еще долго размышлял, что же заставило военачальника отправить слугу из города тайно, под покровом темноты. Тянь Ху был умным человеком. А потому еще до того, как отправился спать, он был уверен, что разгадал эту загадку.

ГЛАВА IV

Вэй Шэнли, будучи человеком состоятельным, имел возможность пользоваться разными благами жизни. И, нужно сказать, не забывал этого делать. Когда он находился дома, в Лояне, то любил вкусно и изысканно поесть, насладиться музыкой и представлениями, а также часто посещал знаменитый на всю столицу увеселительный дом «Сливовый Цветок», где считался одним из самых уважаемых клиентов. Хозяин «Сливого Цветка», господин Жэнь, лично встречал Вэя у входа, провожал до лучшего места и старался всячески угодить, зная щедрость и приятный характер военачальника.

Именно благодаря этим визитам в «Сливовый Цветок» Вэй Шэнли взял в дом наложницу. Случилось это так. Однажды, придя в это место отдыха, Вэй увидел юную девушку, которой раньше не замечал здесь. Вэю показалось, что девушка для этого места неподходящая: слишком застенчивая и печальная. В то время, как остальные дамы, кокетливо улыбаясь, развлекали посетителей, не забывая со вкусом и изяществом демонстрировать свои прелести – то изящный изгиб шеи, то бледную ложбинку между ключицами – эта девушка сидела, скромно потупив взгляд и совсем не участвуя в разговорах. Она, однако, была очень хороша собой, что было заметно любому мужчине. «Кто эта скромница?» – осведомился Вэй у господина Жэнь, и хозяин ответил, что

это Шун Янвэй, девушка из достойной, но разорившейся семьи. Родители вынуждены были продать Янвэй, чтобы прокормить младших детей, да и самой ей грозила бы смерть от голода, останься она в родительском доме.

– Вот уж не знаю, приобрел ли я или потерял, выкупив ее! – посетовал хозяин, поглядывая на Вэя с притворной скорбью. – Вы же видите, господин, как она пуглива! Что за толк от красоты, если она боится поднять глаза на мужчину!

Жэнь сокрушенно покачал головой.

– Что вы планируете делать с ней? – осведомился Вэй Шэнли.

Господин Жэнь озадаченно хмыкнул.

– Если не начнет приносить прибыль, продам в дом к старухе Фэн. Там от девушек не требуют разговоров.

– Помилуйте! – воскликнул Вэй. – Жаль отдавать в такое место девушку из достойной семьи. Страшно представить, что будет там с бедняжкой!

Господин Жэнь доверительно сообщил, глядя на Вэя маленькими внимательными глазками:

– Вы и представить себе не можете, во сколько она мне обошлась! Я не готов терпеть убытки и дальше.

Вэй попросил представить ему девушку, чем несказанно обрадовал хозяина.

Шун Янвэй боязливо приблизилась, с поклоном села рядом и затихла, не отрывая взгляда от пола. Она была и вправду очень красива. Черты ее обладали утонченностью, ножка

была совсем крохотной, а движения – необыкновенно грациозными. Вэй заговорил с ней ласково и спокойно, словно отец с дочерью. Ему захотелось узнать что-нибудь про эту девушку, и он попросил Янвэй рассказать о своей прошлой жизни.

– Простите, господин – тихо отвечала та. – Я дала обещание не вспоминать прошлое. Нарушь я его, и придется отречься себе язык. Давайте поговорим о чем-нибудь другом.

Тогда Вэй заговорил с ней о музыке и вскоре обнаружил, что Шун Янвэй и вправду прекрасно образована. Она с легкостью называла инструменты, аккомпанирующие в постановках – от маленькой бамбуковой флейты до звучащих камней цин⁴. Знала на память популярные стихи и своим нежным голосом прочла Вэю несколько строк Сыма Сянжу об эфемерности жизни и телесных страданиях. Беседовать с ней было очень приятно.

Уходя, военачальник попросил Жэня не избавляться от девушки и обещал вскоре вновь навестить ее.

С того дня, посещая увеселительный дом, Вэй всегда просил усаживать Янвэй рядом с собой. Постепенно девушка раскрылась, словно цветок, в честь которого была названа⁵. Со временем ее боязливость исчезла, глаза заблестели жизнелюбием. Господин Жэнь уже потирал руки, предвкушая

⁴ Имеется в виду литофон – ударный музыкальный инструмент, состоящий из одной или нескольких каменных пластин.

⁵ Янвэй – по-китайски «ирис».

прибыли, которые красавица вскоре должна принести его заведению.

Однажды Вэй Шэнли, зайдя выпить вина и провести вечер в приятной компании накануне выступления в длительный поход, с удивлением обнаружил, что Янвэй нет среди дам в зале.

– Не желаете ли сегодня провести вечер с Жасминовой Принцессой? Или с Белым Нефритом? – с глубоким поклоном предложил хозяин. – Эти дамы снимут вашу усталость, словно феи!

– Я пришел к Ирису, – ответил Вэй. – Что с ней? Она больна?

Господин Жэнь склонился еще ниже и, не глядя Вэю в глаза, залепетал:

– Видите ли, Ирис сейчас занята...

– Занята? – переспросил Вэй. – Чем же?

– Она, – виноватым голосом продолжил Жэнь, – в отдельном кабинете, с одним очень уважаемым торговцем.

– Вот оно что! – отозвался Вэй, почувствовав вдруг, как внутри закипает ревность.

Однако, Вэй Шэнли не дал этому чувству взять верх над собой. В конце концов, у него на эту девушку было не больше прав, чем у любого посетителя «Сливового Цветка».

– Уж не господин ли Чжоу этот уважаемый гость? – переспросил он.

– Как вы проницательны! – обрадовался хозяин. – Он са-

мый. Но умоляю вас не беспокоиться – они всего лишь беседуют.

Вэй был знаком с господином Чжоу. Знал и о том, что торговец, слывший одним из самых богатых людей в городе, был падок на женскую красоту и без счета покупал девушек для увеселений.

Вэй сообщил хозяину, что хотел бы переговорить с ним наедине. Тогда господин Жэнь проводил его в свой кабинет, обставленный дорого и с большим вкусом, и военачальник спросил, в какую сумму обойдется стать единственным постоянным гостем Янвэй. Жэнь закивал:

– Прекрасно понимаю вас! Не хочется делить такую жемчужину с кем-то еще!

И когда пухлые губы его сложились в гузку и он назвал сумму, Вэю стоило немалых усилий не выказать возмущения.

– Но любезный Жэнь, – произнес он, – не вы ли собирались продать Янвэй в дом к старухе Фэн? Сколько бы вы в этом случае выручили за нее? Едва ли десятую часть от тех денег, что хотите сейчас!

– Вы правы, уважаемый Вэй, – снова закивал Жэнь. – Однако и вы должны признать, что девушка сильно изменилась за последнее время. Как расцвела ее красота! А уж манерами и грацией, как у нашего Ириса, могут похвастаться разве что придворные дамы!

– Она все еще невинна? – спросил Вэй чуть дрогнувшим

голосом, чем вызвал масляный блеск в маленьких глазах Жэня.

– Все еще! – воскликнул он, довольнo потирая руки. – Однако должен вам сказать, что уже веду переговоры с несколькими уважаемыми людьми...

– Довольно! – перебил его Вэй, начиная злиться.

Они еще поторговались, и в конце концов Жэнь уступил совсем немного. Военачальник пообещал прислать слугу с оговоренной суммой и выразил желание, чтобы во время его пребывания в походе Янвэй продолжала учиться игре на цитре и была одета не хуже, чем другие дамы «Сливового Цветка». Тут хозяин с наипокорнейшим видом заметил, что желал бы в этом случае прибавить еще некоторую сумму к договору, и в конце концов получил ровно то, что желал в самом начале торгов.

Вэй ушел, в тот день так и не увидев свой Ирис. На следующий день он с большими силами под командованием прославленного полководца Цао Цао выдвинулся к границам империи для усмирения кочевников сюнну. В походе он пробыл долгих четыре луны, тоскуя по девушке и гадая, как изменится она за время его отсутствия. Посыльный доставил ему из Лояна письмо от Янвэй, в котором та благодарила за щедрость и обещала прилежно учиться цитре, чтобы по прибытии усладить слух господина своей игрой.

Вернувшись в Лоян, Вэй наконец встретился со своим цветком. Янвэй стала еще прекраснее. На губах ее, наконец,

появилась обольстительная улыбка, какими блистают дамы из дома увеселений. Однако суть Янвэй не изменилась: она все так же была учтива, скромна и изысканна, как редкое лакомство. Заплатив немало, Вэй насладился этим лакомством сполна и, нужно сказать, совсем не сожалел о потраченной сумме.

Встречи их продолжались около полугода, а потом Янвэй сообщила Вэю о том, что ждет ребенка, и попросила совета, как поступить. Вэй, подумав некоторое время, выкупил ее у Жэня и забрал в свой дом, сделав наложницей.

Справедливо было бы сказать, что у военачальника был повод беспокоиться о том, как примут Янвэй в его доме. Долгие годы он был женат на женщине по имени Инъэр, из уважаемой семьи, родившей ему двух сыновей. Старшему из них уже исполнилось четырнадцать. Инъэр была женщиной красивой, к тому же мудрой и незлобивой. Супруги жили в согласии и любви, и до встречи с Янвэй военачальник и не думал о том, чтобы привести в дом наложницу.

Инъэр поначалу отнеслась к девушке настороженно. Не привыкшая делить мужа ни с кем, она была холодна и к супругу, и к наложнице. Однако покладистый характер и услужливость Янвэй сделали свое дело: вскоре в доме Вэя, на краткий миг всколыхнувшимся от сильных чувств, вновь установились согласие и мир. Женщины поладили. Янвэй ни на миг не забывала о том, скольким обязана господину. Помнила и о своем месте в доме, не притязая на большее. Инъэр

же по натуре была женщиной доброй и, поняв, что положению ее ничего не угрожает, успокоилась.

Янвэй подарила Вэю долгожданную дочь, которую называли Мин. Малышке не исполнилось и двух лет, когда Вэй сосватал ее за сына своего старинного друга Лун Гуанмина – отважного морехода, верно служившего сыну Неба еще с третьего года Гуанхэ⁶. Договор о будущем родстве был скреплен не только словесно, но и юридически по всем правилам, так что о будущем дочери Вэй мог больше не беспокоиться, ибо достойные качества отца без сомнения передались и его сыну.

Так обстояли семейные дела Вэя Шэнли на тот момент, когда развернулись описываемые события.

⁶ Гуанхэ – девиз правления императора Лин-ди в период с 178 по 184 года н.э. Третий год Гуанхэ соответствует 179 году н.э. по европейскому летоисчислению.

ГЛАВА V

Следующим утром Вэй разбудил шум в доме. Он услышал, как по деревянной галерее бежит голыми пятчиками малыш Мин, которой полагалось быть в дальних покоях вместе с матерью, и сразу же услышал голос жены, которая с кем-то препиралась. Невиданное дело! Вэй Шэнли был не из тех людей, кто долго спит по утрам, однако в доме было заведено так, что до пробуждения хозяина всем, от слуг до членов семьи, строго запрещалось нарушать его покой. За исполнением этого правила строго следила Инъэр, недовольный голос которой долетал сейчас до ушей ее супруга.

Вэй быстро поднялся, накинул домашний халат и вышел из своих покоев, чтобы узнать, что происходит. И застал следующую картину. Янвэй с малышкой Мин на руках боязливо глядит на него, взглядом прося прощения за то, что не уследила за дочерью. Инъэр гневно взирает на согнувшегося на полу шуплого человека в форме дворцового посыльного.

Вэй улыбнулся наложнице, давая понять, что не сердится на нее, и обратился к жене:

– Что за шум, Инъэр?

Та, послав человеку на полу испепеляющий взгляд, ответила:

– Гонец из дворца, господин.

Вэй Шэнли понимающе усмехнулся.

– Что-то я заспался сегодня. Невежливо заставлять посланника императора ждать.

Гонец, ошастливленный, немедленно поднялся на ноги и, преисполнившись величия на время чтения императорских слов, продекламировал:

– Деша военачальнику Вэю Шэнли от сына Неба! Повелеваем сегодня к полудню пожаловать во дворец для оглашения воли императора!

Вэй поморщился – глотка у гонца была луженая.

– Вэй Шэнли услышал волю императора и будет счастлив ее исполнить, – произнес он нужную фразу, отпуская посыльного.

Тот с поклонами, мигом растратив всю важность, попятился к выходу и через несколько мгновений след его протыл. Всем известно, что гонцов кормит не только громкий голос, но и быстрые ноги. Военачальник повернулся к жене и произнес с улыбкой:

– Негоже заставлять сына Неба ждать. Нужно собираться.

Когда Вэй Шэнли пребывал в Лояне, каждый его день начинался с физических упражнений, которые он выполнял на открытом воздухе, в одном из внутренних дворигов своего дома. Далее следовал завтрак, приготовленный слугами под чутким вниманием Инъэр, после которого Вэй любил некоторое время посвятить чтению или размышлениям в своем кабинете.

Сегодня, однако, обычный распорядок был нарушен. Сра-

зу после завтрака военачальник принял ванну и облачился в лучшие одежды. Поверх белоснежной нижней безрукавки он надел праздничный халат алого цвета на подкладке из плотного шелка с вышитыми на груди и спине тиграми. Скрепил халат на талии широким шелковым поясом с кистями. Поверх уложенных особым образом волос водрузил высокую алую шапку на завязках, спереди украшенную накладкой из нефрита.

Вэй предпочел бы отправиться во дворец верхом, но, следуя правилам этикета, приказал подготовить крытую колесницу. За отсутствием верного Ченгля, выполнявшего в то время его тайное поручение, править приказал слуге, присматривающему за лошадьми.

И вот, выехав из дома ровно за то время, что требовалось, чтобы преодолеть дорогу, а также возможные препятствия в виде разговорчивых обитателей дворца, Вэй Шэнли отправился, чтобы предстать перед взором сына Неба.

Колесница везла его по широким улицам одного из красивейших городов своего времени. Дороги, проложенные прямыми линиями, разделяли город на прямоугольные сегменты, и были широки настолько, что восемь колесниц в ряд могли одновременно двигаться по ним. Средней частью дороги, огороженной от левой и правой земляными стенами высотой в четыре чи⁷⁷, мог пользоваться лишь император и самые знатные люди города. Боковые же части служили всем

⁷ 4 чи приблизительно равняются 85 сантиметрам.

остальным. Вэй Шэнли, в раздумьях откинувшись на удобное сиденье, проезжал мимо высоких обнесенных стенами строений, прекрасных храмов с великолепными золочеными пагодами и выкрашенных в желтый цвет казенных учреждений. Император Лин-ди, равно как и его предшественник Хуань-ди, не жалел средств из казны, чтобы придать столице поражающий воображение вид. Некоторые, возможно, осмелились бы сказать, что средств этих было потрачено слишком уж много. Однако такие слова тут же потонули бы в возмущенном гуле голосов жителей Лояна: «Если вам, уважаемый господин, не посчастливилось жить в столице, так возвращайтесь в свой уезд и там треплите языком! Речи ваши могут вызвать интерес разве что у провинциальной публики. А здесь никому до них нет ни малейшего дела».

Каждый из здешних жителей от аристократа до последнего мальчишки на побегушках считал себя особенным.

Вэй Шэнли по праву мог считаться образцом лоянского жителя. Чуть выше среднего, смелый, изворотливый достаточно, чтобы хорошо устроиться в жизни. Однако же, стремящийся жить в соответствии с моральной нормой, что иногда вступало в противоречие с внешними условиями.

Его колеснице, споро продвигающейся по средней части дороги, не было нужды пропускать или объезжать другие, как делали это те, кто ехал справа и слева от него. Там разъезжались друг с другом расписные повозки сановников средних и младших рангов, а также неказистые возки городских

жителей. Колесница Вэя была черной, без каких-либо узор. Каждый, кто видел ее, понимал, что едет в ней человек военный, причем, занимающий высокое положение.

У ворот дворца Наньгун колесница остановилась, и Вэй Шэнли спешил. Будь ты ученым, любимцем публики или величайшим воином – дорогу от ворот до входа в павильон каждый обязан проделать пешком, выказав тем самым почтение сыну Неба. Лишь самых старых и немощных дозволено было вносить на аудиенцию на носилках. Вэй Шэнли себя к немощным не причислял. Более того, ему было приятно размять ноги, затекшие от долгого сидения. А пройти через сад, начинавшийся сразу за воротами, было истинным удовольствием.

Каких только диковинных растений не было в этом саду! Каких только редкостей из южных стран не везли сюда торговцы шёлкового пути, желая угодить императору. Однако сейчас, ранней весной, милее всего был тонкий аромат цветов сливы, который ветерок услужливо переносил с места на место, околдовывая каждого, кто ступал за ворота. В этом обширном саду было бессчетное множество укромных уголков: спрятанных за густыми ветвями беседок, очаровательных мостиков через искусственные водоемы, в которых задумчиво плавали, сверкая золотыми спинками, декоративные карпы. Вэй знал, как приятно гулять здесь под руку с миловидной фрейлиной. Как отлично знал и то, что каждое слово, произнесенное жарким шепотом или низким таинствен-

ным голосом, будет услышано и в точности передано придворному евнуху Тянь Ху – господину и властителю над всеми тайнами дворца.

Вскоре он заметил и его самого. Когда мощеная дорожка, вильнув, вывела его из сливовой аллеи и впереди показался вход в Зал Феникса, в котором император принимал поданных, у каменной лестницы, ведущей в зал, обозначилась тучная фигура евнуха, беседовавшего с двумя дамами. Он отрывался от разговора каждый раз, когда кто-то проходил в зал, угодливо улыбаясь и рассыпаясь в любезностях. Однако едва ли кто-то купился бы на эту показную мишуру – всем в Лояне был известен алчный нрав и изворотливый характер Тянь Ху.

Направляясь по дорожке ко входу, Вэй Шэнли видел, как в зал заходили другие приглашенные. Однако он не спешил никого догонять, чтобы поприветствовать, зная, что с этими людьми ему сегодня предстоит провести много времени. Вот евнух раскланялся с Бао Фу – известным в Лояне торговцем, в прошлом году прославившимся тем, что сочинил необыкновенно изящное стихотворение на зимнем состязании во дворце. Что побудило императора пригласить этого человека сегодня? Вэй рассчитывал, что речь пойдет о делах военных.

Вот стража, стоящая у входа в зал, подобралась и вытянулась в струнку – это, окруженный слугами и прихлебателями, направлялся ко входу прославленный военачальник Цао Цао. Вэй глубоко уважал этого горячего нравом, отважно-

го сердцем, мудрого человека, под чьим началом выступал в походы не раз и не два. Были здесь и другие воины, которых он знал лично.

Вот и он сам, приблизившись и не желая давать повод кому-либо упрекнуть себя в грубости, первым поздоровался с Тянь Ху. Евнух расплылся в масляной улыбке, и лишь его маленькие змеиные глазки блеснули недобрым огнем. Вэй Шэнли, конечно, не мог этого не заметить, равно как и евнух сообразил, что все-таки выдал себя. Однако каждый из них предпочел сделать вид, будто не произошло ничего особенного.

Вступая в полумрак зала, военачальник в который раз подумал, что в битве выживать проще, чем среди таких изощренных интриганов, какие обитают в этих стенах. И возблагодарил Небо за то, что ему не слишком часто приходится бывать здесь.

Вместе с полумраком зала военачальника окутал приятный аромат благовоний. Внутри присутствовало уже немалое количество людей. Некоторые, собравшись группами по трое или четверо, приглушенными голосами обсуждали что-то. Другие расположились на циновках, разложенных перед квадратным топчаном из палисандра, и чинно подобрав под себя колени, предавались размышлениям. Вэй Шэнли поприветствовал знакомых, кинул взгляд на собравшийся в углу помещения кружок вокруг Цао Цао, но решил, что полководец сам окликнет его, если решит заговорить.

Спустя какое-то время разговоры утихли, повинувшись низкому дребезжащему звуку гонга – это вышел из-за занавеси слуга, возвещая о том, что сын Неба вот-вот пожалует, чтобы лицезреть своих подданных. Те, кто, собравшись вместе, вел разговоры, поспешили занять свои места, и вскорости сам император Лин-ди показался из галереи, соединявшей Зал Феникса с другими помещениями дворца. Император шел твердой решительной поступью. То, что властитель вошел сам, а не въехал на носилках, как бывало во время банкетов и поэтических состязаний, должно было показать собравшимся, что Лин-ди настроен решительно, и речь предстоит вести о делах, требующих твердости и мужества. Вэй, не раз до этого бывавший во дворце, знал об обыкновении сына Неба с самого начала настраивать собравшихся на нужный лад, а потому предположил, что речь должна пойти о новом военном походе.

Вид императора был внушителен. Роскошное одеяние из желтого шелка, богато украшенное вышивкой, казалось, источало сияние. Отражая огни светильников, сверкал и переливался перехватывающий талию широкий пояс, отделанный драгоценными камнями. В бороду Лин-ди были вплетены тончайшие золотые нити, отчего казалось, что лик сына Неба сияет сам по себе. «Да, – подумал Вэй, – Лин-ди никогда не скупился на то, чтобы произвести впечатление!»

Впереди и сзади императора следовали воины из личной охраны, а за ними, замыкая процессию, семенил глава кан-

целярии Сыма У, пухлыми пальцами сжимающий деревянные дощечки с указами.

Лин-ди чинно прошествовал к топчану и с великолепной грацией расположился на нем с помощью подбежавших слуг. Сыма У сел на циновку слева от правителя, а справа из полумрака, словно таинственное привидение, материализовался евнух Тянь Ху. Охрана заняла места с боков от них, и император, окинув сверкающим взглядом из-под густых бровей всех собравшихся, обратился к ним.

– Дерзкие кочевники сюнну снова тревожат рубежи нашей любимой страны! – начал Лин-ди без предисловия. – Презренные варвары считают, что могут безнаказанно разорять поселения, убивать и угонять в рабство жителей Поднебесной!

Он остановился, еще раз обвел взглядом собравшихся и, увидев возмущенно сдвинутые брови и сжатые в гневе губы, продолжил:

– Настало время выдворить сюнну в их бесплодные земли! Никому не дозволено посягать на то, куда простирается покровительство сына Неба! Повелеваю отправиться в поход против сюнну, разбить их силы и изгнать в горы Тянь-Шань.

Император перевел дыхание и с неменьшим пылом продолжил:

– Выступить приказываю не позднее двадцати дней с сегодняшнего числа. Командующим генералом назначаю прославленного Цао Цао, младшими генералами – Сяхоу Юань

и Вэй Шэнли⁸. Ответственным за снабжение похода назначаю Бао Фу.

«Так вот зачем, – подумал при этих словах Вэй, – сын Неба позвал сегодня торговца! Снабжение похода – дело необычайно выгодное. Надо думать, Бао Фу пришлось подмазать евнухов, чтобы получить такой прибыльный контракт».

Император Лин-ди между тем поднялся, зашелестев богатыми одеяниями, и, спустившись с топчана, в сопровождении охраны удалился из зала. За главного теперь остался Сыма У, глава канцелярии. Сейчас, когда самое важное было сказано, предстояло долгое и скрупулезное обсуждение деталей.

– Ну что, братья мои, настало время обнажить мечи! – нарушил тишину громогласный возглас Цао Цао.

Все присутствующие повернулись к нему, а военачальник, довольно потирая ладонями колени, вдохновенно продолжил:

– Проснувшись сегодня с утра, я знал, что император призовет нас! Я видел сон, в котором два феникса пели, возвещая о том, что сыну Неба нужна поддержка его храбрых воинов! Так и случилось. Сяхоу Юань, Вэй Шэнли! Мои дорогие братья! Выполним достойно порученное нам дело!

⁸ В Китае времен династии Хань генералы назначались указом императора для каждого военного похода. Постоянного генеральского звания не существовало. Целью этих временных назначений было усиление контроля над военными и предотвращение концентрации слишком большой власти в руках кого-то из них.

Вэй знал, что Цао Цао, обладая непревзойденным талантом воина и стратега, никогда не мог удержаться от излишней патетики и хвастовства. Сказать по правде, он и сам чувствовал, что засиделся в столице. Сердце звало его в поход. Почувствовать под собой упругий круп скакуна, ощутить азарт битвы и радость победы. Вэй Шэнли уже был готов разразиться похожей тирадой в ответ на приветствие Цао Цао, но его опередил дребезжащий недовольный голос главы канцелярии:

– Уважаемые господа! – Сыма У даже привстал с циновки, чтобы привлечь внимание военного люда к себе. – Прежде всего нужно запротоколировать для отчета императору все, что имеет сказать каждый из вас. Сию минуту придут писцы, и мы начнем. Необходимо, чтобы командиры, присутствующие сегодня, подробно изложили положение дел во вверенных им частях, а также результаты последних учений в стрельбе из лука и конном бою. Затем вам, уважаемый генерал Цао Цао, следует определить, какие войска вы поставите под командование младших генералов, и только после этого...

– Уважаемый глава канцелярии! – взмолился Цао Цао, уже покрасневший от избытка нахлынувших чувств. – Нельзя ли придать нашему собранию менее официальный вид?

– Нет, уважаемый генерал, – ответил Сыма У непреклонным голосом. – Все должно быть проведено в соответствии с установленными правилами.

Вэй Шэнли понял, что домой сегодня попадет в лучшем случае к закату. А, возможно, ему придется и заночевать во дворце. Улучив момент, он вызвал слугу, который привез его во дворец, и послал в дом предупредить жену, чтобы к ужину его не ожидали. Вэй никак не мог отделаться от ощущения, что Тянь Ху, молчаливо присутствовавший на собрании, не сводит с него цепкого взгляда своих маленьких колючих глазок. Но, как человек воспитанный, он ничем не дал понять, что заметил это.

ГЛАВА VI

Гористая местность в северо-западной части ханьской империи служила для кочевых племен сюнну естественной преградой, осложняя их набеги на земли Поднебесной. Однако в горах на этой земле, через которую торговцы везли товары по Шелковому пути, кочевники чувствовали себя хозяевами. Быстрые как антилопы, безжалостные как ирбисы, они нападали и исчезали, убивали, грабили и растворялись в пыли горных троп прежде чем успевала подойти помощь. Они были бичом деревень, ближе всего расположенных к горам, по которым проходил предел империи. И болью императоров Хань, мечтавших раздвинуть границы настолько, чтобы отбросить сюнну далеко за горы.

Жили сюнну общинами в покрытых шкурами юртах. Говорили, что их женщины рожают в седле — оттого всадников искуснее не сыскать под небом. Сюнну умело сражались саблями, копьем и луком, но поистине страшных врагов из них делало умение на скаку пускать стрелы так метко, что заяц на бегу оказывался убитым в глаз. Но на их беду, числом им было не сравниться с армией Поднебесной. К тому же, сюнну часто вели войны между своими племенами. Не было над ними властителя, которого признали бы все племена без исключения. А оттого в сражениях с Поднебесной сюнну чаще терпели поражение и до поры до времени прятались

за горами, позволяя себе разве что нападения на торговцев, ведущих караваны по Шелковому пути. Иногда же, как сейчас, император отправлял войска для их усмирения. И тогда сюнну скрывались, стараясь напасть внезапно и рассыпаться, подобно дорожной пыли. Ударить и исчезнуть. Ужалить и затаиться.

Цао Цао, хорошо знакомый со всеми их хитростями и увертками, вел свои силы к Небесным горам Тянь-Шань. Местность здесь была пока еще не такая труднопроходимая, однако продвигаться было гораздо сложнее, чем по широким наезженным дорогам в центральной части страны. К тому же, климат в этих местах был суровый: несмотря на весну нередко шел снег, ветер забирался под теплые войлочные халаты, норовя достать живот.

Вэй Шэнли в этом походе возглавлял легкую кавалерию, вооруженную смертоносным для сюнну оружием – арбалетами. Немалого мастерства требовало умение управляться с этим оружием на лошади, однако обученные воины били точнее и с более дальнего расстояния, чем могли достать из луков кочевники. По этой причине важность кавалерии была особенно велика.

День не задался с самого утра. Конь Вэя, любимый жеребец ферганской породы, сломал ногу, угодив в расщелину между камнями во время утреннего перехода. Как это умнейшее животное, верный друг, не раз выручавший Вэя на поле боя, мог оступиться на ровном месте, Вэю было абсо-

лютно не ясно. Неприятнее всего было то, что жеребца пришлось добить, чтобы прекратить мучения. Вэй, чудом избежавший травм во время падения, решил сделать это сам. Во-начальник не считал себя человеком излишне чувствительным, однако, перерезав жеребцу горло, некоторое время сидел рядом с животным, глядя, как золотистая шерсть окрашивается бурым и тухнут орехового цвета глаза.

Затем примерно в полдень, во время переправы через реку, неожиданно взбрыкнула кобыла, везшая обоз с провиантом. Встала как вкопанная на середине моста и ни в какую не соглашалась двигаться дальше. Когда двое солдат принялись тянуть ее за уздцы, лошадь неожиданно громко заржала и, встав на дыбы, скинула возницу на мост. Тот, падая, неудачно ударился головой и теперь метался между жизнью и смертью в лекарской повозке.

Происшествия на мосту Вэй не видел. Сам он во главе кавалерии совершил переправу гораздо раньше. Однако, узнав о произошедшем, невольно задумался. Дважды за день случилось несчастье, и дважды лошадь — символ успеха, была замешана в нем. Уж не пытаются ли высшие силы таким образом донести что-то до глупца Шэнли, который не хочет их слышать?

Вокруг расстилались живописные предгорья Небесных гор. Там, где снег уже сошел, взгляд радовали желтые звездочки гусяного лука и нежные лиловые цветки крокусов. Воздух был чист и свеж, как бывает только там, где нет шум-

ной городской жизни. Цао Цао вел свою армию все дальше от столицы, приближаясь к северо-западным рубежам империи: туда, где расположились небольшие горные поселения, более других страдавшие от набегов кочевников.

Больше всего в этих краях поражало небо. Раскинувшееся над головой точно бескрайний и бездонный океан, наполненный причудливой пеной огромных облаков. Любому, кто поднимал голову, оно внушало трепет и восхищение. По ночам же, когда мириады звезд расцвечивали его мигающими разноцветными точками, казалось, будто тысячи мудрых глаз взирают сверху на ничтожного человечешку, и не стоит даже пытаться утаить от них какие-то свои помыслы – все увидят, все прочтут в твоём сердце, хочешь ты этого или нет.

Вэй Шэнли отдыхал в своем шатре после продолжительного перехода. Остановка была короткой – лишь до рассвета, чтобы воины могли поесть и поспать, и лошади восстановили силы. Им предстояло проделать еще несколько отрезков пути, прежде чем войско прибудет туда, где местный гарнизон ожидал помощи.

Мысли Вэя уже начинали путаться. Лежа у очага, он думал о том, что этот, без сомнения, нужный поход тем не менее оставил столицу без главных сил. Реши враги или бунтовщики напасть на Лоян сейчас, император будет вынужден защищать город с помощью одной лишь столичной гвардии – воинов прекрасно обученных, но малочисленных.

Веки военачальника уже несколько раз соприкоснулись

друг с другом, когда полож его шатра внезапно был откинут, а за ним показалась грузная фигура Хо Ченглежа, а также некто, кого Вэй Шэнли совсем не ожидал увидеть – личный слуга его жены Сяо Аньши. Выглядел Сяо Аньши как человек, проделавший без отдыха долгий путь: собранные в косу волосы встопорщились, лицо покраснелось, под глазами набухли тяжелые мешки.

– Что случилось? – встревожился Вэй. – Что ты тут делаешь, Сяо Аньши? Кто-то умер?

Слуга отчаянно затряс головой.

– Нет-нет, господин. Хвала Небу, все здоровы.

– Что же тогда заставило тебя явиться сюда?

– Госпожа велела передать вам послание как можно скорее, – устало выдохнул слуга. – Я загнал двух скакунов, чтобы нагнать вас. Как же я счастлив, что наконец сумел это сделать!

С этими словами Сяо Аньши почтительно опустился перед Вэем на колени и, вынув из рукава, протянул ему шелковый свиток, скрепленный личной печатью Инъэр. Также он поставил на циновки, укрывающие пол, черный лакированный ящик, который до этого держал одной рукой. Вэй принял свиток и обратился к Ченглею, который озадаченно топтался здесь же, не решаясь уйти без позволения господина:

– Позаботься, чтобы Сяо Аньши накормили и устроили отдыхать до моих дальнейших распоряжений.

Ченглей поклонился, и оба слуги со всей почтительностью

оставили шатер.

Военачальник еще раз внимательно осмотрел свиток. Сомнений быть не могло – на нем стояла личная печать Инъэр. Он осторожно разломил ее и, подвинувшись ближе к свету очага, начал всматриваться в аккуратные столбцы, прилежно выведенные ее рукой. В том, что послание было написано женой, военачальник не сомневался.

«Любимый супруг! – писала Инъэр. – Должна сообщить тебе страшные новости.

Утром пятого дня после отбытия войск в поход в столице появились дерзкие надписи, предрекающие конец династии Хань и приход в Поднебесную эры Желтого Неба. Сделаны эти надписи были в таких местах, где их могли видеть многие: у рынков, на стенах ткацкой мануфактуры, суда и даже высшего конфуцианского училища.

Во дворце случился переполох. Сын Неба поручил как можно скорее найти виновных. По всему городу начались проверки, носитель золоченой булавы⁹ сбился с ног, лично участвуя в рейдах. К концу второго дня людей, сделавших надписи, задержали. При допросе они признались, что готовили заговор с целью свергнуть Лин-ди с императорского престола, и помогали им в этом неизвестные высокопоставленные личности, имена которых выяснить не удалось. Заговорщиков обезглавили на главной рыночной площади, од-

⁹ Носитель золоченой булавы – звание чиновника, ответственного за поддержание порядка в столице и охрану дворца и императора.

нако родственник императрицы Хэ, господин Хэ Цзинь, заявил, что не остановится, пока не выяснит имена всех, кто причастен к этому подлому делу».

Лицо Вэя Шэнли покрылось капельками холодного пота. Всякая сонливость давно оставила его. Он жадно вчитывался в столбцы иероглифов, не замечая, что руки, держащие свиток, заметно подрагивают. Чем дальше он продвигался в чтении, тем бледнее становилось его лицо и сильнее расширялись глаза.

«Этой же ночью в наш дом пожаловал твой старинный друг господин Лун Гуанмин, который в это время гостил в столице у своего родственника. Явился он тайно: в повозке без флагов и гербов, спрятав лицо под широкой шляпой. Все в доме уже спали, и только я по счастливой случайности еще не ложилась. Лун Гуанмин пребывал в сильнейшем волнении. Он заявил, что должен сообщить мне под большим секретом важные новости. И вот, что он поведал.

Родственник Гуанмина, господин Лун Цзэ, по долгу службы входит в императорский дворец. Он невольно стал свидетелем разговора между евнухом Тянь Ху и носителем золоченой булавы. В этом разговоре евнух обвинил тебя в пособничестве бунтовщикам. В качестве доказательства он привел то, что некоторое время назад ты тайно отправлял своего личного слугу, Хо Ченгся, в уезд Улин, чему есть письменные свидетельства с подорожных застав».

Пальцы Вэя задрожали так сильно, что он едва не выро-

нил свиток. Это было правдой. Он ведь действительно посылал Ченглея с письмом в Улин. О чем он только думал! Как мог подвергнуть такой опасности не только себя, но и всю свою семью? Вэй, ничего не знавший о готовившемся заговоре, теперь клял себя всеми возможными словами за опрометчивый поступок.

«Твое имя очернено, – продолжала меж тем Инъэр. – Сердце мое безутешно плачет, когда я представляю, что по возвращении в столицу тебя обвинят в измене. Между тем Лун Гуанмин утверждает, что это непременно случится. Евнух Тянь Ху ненавидит тебя и приложит все усилия, чтобы доказать, пусть и несправедливо, твою связь с бунтовщиками».

В этом месте тушь расплылась – видимо, Инъэр плакала, выводя печальные слова.

«Однако Гуанмин, который, как ты помнишь, связан с тобой не только узами дружбы, но и обещанием пожениТЬ детей, утешил меня, сказав, что знает способ спасти детей от позора, а тебя от обвинений. Он заверил меня, что в случае гибели в походе никто не рискнет порочить твое прославленное имя».

Свиток все-таки выпал из рук Вэя и едва не угодил в очаг. Вэй потрянул головой, не веря в то, на что смотрели его глаза. Дрожащей рукой он подобрал послание и продолжил. Написанного оставалось совсем немного.

«Мой дорогой муж! Узнай я, что сердце твое перестало

биться, в тот же миг я последовала бы за тобой, поручив детей заботам родственников. Об этом я и сказала Гуанмину. Тогда он принялся уверять меня, что будет достаточно и того, что тебя сочтут погибшим. Он дал обещание скрыть тебя в таком месте, где ни император, ни Тянь Ху, ни кто-либо еще из причастных людей не сможет тебя отыскать. Это значит, что и нам не суждено больше встретиться, однако, зная, что этим спасаю тебе жизнь, я соглашаюсь на такую жертву.

Прежде всего, необходимо сделать так, чтобы все, кто окружает тебя сейчас, искренне поверили, что жизнь твоя кончена. В черном лакированном ящичке, что принес Сяо Аньши – горная гадюка, от яда которой умрет любой человек. Будь осторожен, любовь моя! Прикажи слуге выпустить ее в уединенном месте и отрубить голову, словно он расправился со змеей после того, как она укусила тебя. В этой же коробке есть скрытое второе дно. Там ты найдешь мазь. Если обработать ей небо, через некоторое время ты почувствуешь слабость, головокружение, а спустя еще немного времени потеряешь сознание. Внешне будет похоже, что жизнь оставила тебя. Однако примерно через сутки действие мази ослабеет, и ты понемногу начнешь приходить в себя. Поручи верному слуге быть рядом, чтобы оберегать тебя в это время.

Слуга, убедив всех в твоей гибели, должен добиться разрешения везти твое тело в Аньян, в усыпальницу предков

твоей досточтимой матушки. Оттуда совсем недалеко до Цилу, где находится усадьба Лун Гуанмина. Он обещал мне, что поможет пройти заставы от Аньяна и позаботится о твоей безопасности. Заклинаю, любовь моя, прими его предложение! В противном случае сердце мое не вынесет горя и позора, и в миг, когда подлые обвинения падут на тебя, я без сожалений оборву свою жизнь».

На этом послание обрывалось. Последние слова вновь были размазаны, будто рука Иньэр дрожала и из глаз лились слезы.

Вэй Шэнли, потрясенный прочитанным, некоторое время продолжал пялиться в свиток и беззвучно шевелить губами, еще раз проговаривая то, что писала ему супруга. Затем он вышел из шатра и, задрав голову, долго смотрел на величественное, усыпанное яркими звездами небо. «Глупец, глупец!» – шептал он без конца, и слезы ручейками стекали по его щекам. Вэй не заботился о том, что кто-то может увидеть его в момент слабости. Его, казалось, не интересовало ничего, кроме собственного горя и огромного черного океана, раскинувшегося над головой. Время от времени по небу проносилась падающая звезда, рассекая черноту длинным светящимся хвостом. Через несколько мгновений ее след таял, и там, где только что свершалось чудо, сгущался мрак. Вэю казалось, что вот так же только что сорвалась с неба и звезда его жизни.

– Господин! – негромко ряздалось рядом, и к Вэю с по-

клоном приблизился Хо Ченглей. – Что стряслось?

Вэй оторвался от созерцания неба и, повернувшись к слуге, тихим голосом произнес:

– Нам лучше поговорить внутри.

ГЛАВА VII

Как позднее докладывали командующему генералу Цао Цао, Вэй Шэнли оставил лагерь еще до рассвета. Накануне слуга из дома доставил ему скорбную весть о том, что любимый дядя, у которого военачальник в детские годы прожил несколько лет, отошел в мир иной и, умирая, призывал к себе племянника. Вэй был опечален новостью. Он даже вскинул руки и воскликнул: «Так вот отчего погиб мой жеребец! Должно быть, так душа дядюшки взывала ко мне с того света!»

Чтобы почтить память усопшего, Вэй решил помолиться его душе в уединенном месте. Однако, не желая замедлять продвижение войск, хотел сделать это до того, как воины тронутся в путь. И вот, на исходе ночи он отправился к ближайшему холму, чтобы соорудить там нехитрый алтарь. По роковому стечению обстоятельств, погруженный в мысли об усопшем родственнике, военачальник не заметил горную гадюку, лежавшую между камней. Также не иначе как по велению рока Вэй стоял на коленях, разгребая камни, чтобы освободить место для алтаря, а потому рядом с гадючьей головой оказалась его рука, не защищенная перчаткой. Потревоженная змея впилась в руку, Вэй Шэнли, захрипев, повалился на землю и тут же в страшных мучениях испустил дух.

И теперь прославленный полководец Цао Цао с печалью

в темных глазах смотрел на его бездыханное тело, уложенное на покрывало в шатре, перед которым распростерся на коленях личный слуга и боевой товарищ покойного Хо Ченглей. Тут же рядом лежала и обезглавленная змея: бронзовая, с яркими оранжевыми полосами по всей длине. «Какая странная кончина для воина!» – с горечью подумал Цао Цао. Ему было искренне жаль, что такой одаренный человек, как Вэй Шэнли нашел свою смерть не на поле брани, а пал жертвой подлого ядовитого укуса.

Кожа умершего была покрыта голубоватыми пятнами. Лицо осталось спокойным, несмотря на то, что умирал он в больших мучениях. Должно быть, Небо сжалилось над ним и в последние мгновения даровало забвение и забрало боль. Цао Цао в задумчивости потер ладонью подбородок. Кем же теперь заменить военачальника? Сможет ли кто-то из младших командиров принять на себя его ответственность? Как бы то ни было, медлить они не могли. Следовало как можно скорее решить вопрос с похоронами и двигаться дальше.

И тут слуга покойного, Хо Ченглей, осмелился высказать просьбу.

– Господин командующий генерал Цао Цао! – начал он, не поднимаясь с колен. – Перед тем как выступить в поход мой господин завещал упокоить свое тело, в случае, если судьба приведет его к смерти в бою, в Аньяне, в усыпальнице предков его досточтимой матушки госпожи Ли Чиньхуа.

– В Аньяне? – удивился генерал. – Изрядное расстояние

отделяет Аньян от этих мест.

– Будет ли мне позволено отвезти туда тело господина, чтобы похоронить, как и подобает, со всеми почестями?

Цао Цао, который в этот момент был склонен организовать похороны прямо здесь, задумался. Вэй Шэнли, несомненно, был достоин упокоиться так, как подобает знатному человеку. Сам он заниматься этим не мог – долг перед родиной и императором обязывал его продолжить поход. Однако, почему бы не дать семье Вэя возможность организовать все наилучшим образом? Цао Цао решил, что так сможет отплатить усопшему за верную и отважную службу.

– Дозволяю, – милостиво ответил он. – Много ли нужно тебе, чтобы выполнить это?

Хо Ченглей без колебаний ответил:

– Совсем немного, господин. Повозка для перевозки тела, несколько человек сопровождения и разрешительные грамоты для прохождения застав до Аньяна.

– Ты все это получишь. Однако учти, что большого сопровождения я тебе дать не смогу. Сейчас каждый воин на счету для грядущей битвы! Постараемся управиться с формальностями поскорее.

– С вашего разрешения я отправлю гонца, который был вчера, в столицу, чтобы известить семью господина о его скорбной кончине.

– Следует также известить императора, – со вздохом добавил Цао Цао. – Прикажи гонцу сначала отправиться во дво-

рец, а уж потом доложить обо всем семье.

Хо Ченглей смиренно кивнул, пряча лицо в распростертых по полу руках. Собственно говоря, в этом не было необходимости – Цао Цао был не из тех, кто свысока относился к братьям по оружию. Однако Ченглей опасался, что неосторожным движением лица может выдать свой план – проницательности военачальнику было не занимать – и оттого лишний раз не поднимал глаз на командующего генерала.

С формальностями, действительно, было покончено на удивление быстро. Не успело солнце войти в зенит, как люди с привала двинулись в трех направлениях: войнство под командованием Цао Цао продолжило путь к северо-западным рубежам империи, отдохнувший за ночь Сяо Аньши быстрее ветра помчался в столицу, а в сторону Аньяна двинулась крытая повозка, сопровождаемая двумя конными воинами, правил которой Хо Ченглей.

В повозку были впряжены двое скакунов, и двигалась она довольно резво. Однако, поселения в этих краях были расположены друг от друга неблизко, и до ближайшей деревни было почти полдня ходу. За это время встретить можно было разве что одинокого пастуха со стадом худых после зимы коз, уныло щиплющих первую весеннюю травку.

Но если бы сыскался любопытный человек, который приоткрылся бы к путникам, что мчали под траурным белым флагом, внимательнее, то он, вероятно, заметил бы некоторые странности. Дело в том, что повозка добралась до дерев-

ни, сопровождаемая лишь одним всадником, а не двумя. А количество впряженных в нее лошадей наоборот увеличилось и теперь равнялось трем. Ну а если бы воображаемый наблюдатель сумел просунуть свой длинный нос внутрь повозки, то и тут его ожидала бы неожиданность. Он бы увидел, что покойный слегка раздался в плечах, стал как будто бы крепче сложен и вообще – помолодел лет на десять. Но такому человеку в пустынных предгорьях небесных гор Тянь-Шань, конечно же, неоткуда было взяться. А потому, когда незадолго до заката путники прибыли в деревню, никто и не подумал задавать им лишних вопросов.

Прежде всего Хо Ченглей купил у местных бронзовый чан размером в рост человека и лед. Погибший военачальник был уложен в чан и старательно обложен льдом со всех сторон, а сам чан зафиксирован с помощью кожаных ремней в повозке так, чтобы перевозить его можно было, не страшась перевернуть. Далее последовала закупка припасов в дорогу: пшеницы для каши, сушеного мяса и вяленых фруктов. После этого возница, сославшись на срочность порученного дела и отказавшись заночевать в деревне, двинулся дальше в сопровождении всадника, за все время переговоров и торгов не произнесшего ни единого слова.

Видевшие их люди единогласно решили, что именно всадник был приближенным слугой почившего полководца. Настолько черен был лик его, настолько явными следы горя на лице, что сомнений не оставалось – этот человек недавно

пережил большую утрату. Взгляд его воспаленных глаз был уставлен в пустоту. Уголки рта обвисли, точно плети. Казалось, ему с трудом удавалось держаться на лошади прямо. «Ай-ай-ай! – с сожалением причмокивали губами поселяне, провожая удаляющуюся повозку взглядом, – каких только страданий не посылает Небо на головы смертных!»

Сам Вэй Шэнли, вспоминая эти черные дни, неизменно видел перед собой лица двоих солдат, которых они с Ченглеем, не колеблясь, отправили к праотцам. Ему и раньше доводилось убивать, и больших сожалений при этом он не испытывал. Но никогда прежде Вэй Шэнли не предавал тех, кто верил ему. Лишить жизни врага, пусть и прибегнув к коварству – поступок, достойный воина. Лишить жизни, напав со спины на верного тебе человека – поступок постыдный, низменный. Кун Цзы, которого Вэй иногда представлял стоящим за своей спиной, плюнул бы в подлеца, совершившего такое.

Кто он теперь? Изменник, потерявший родину? Вероломный убийца? Беглец? Однако Вэй Шэнли знал, что идя по этому скользкому пути, по крайней мере спасает от позора и наказания свою семью. А потому поступать по-другому права он не имел.

Вскорости они запрягли еще одну лошадь в повозку и, менясь с Ченглеем, продолжили гнать что есть сил в Аньян.

ГЛАВА VIII

Хао Дэ, мнивший себя властелином мертвых земель, а на деле являвшийся смотрителем кладбища рядом с Аньяном, только-только задремал, как сон его был прерван донесшимся с улицы шумом. Был один из приятных тихих вечеров (хотя справедливо будет заметить, что во владениях Хао Дэ почти все вечера были такими). Бледная луна уже показалась на темнеющих небесах и лила свой молочно-белый свет на величественные усыпальницы. Бедноту здесь не хоронили. Упокоиться в этом городе мертвых могли себе позволить люди знатные и при жизни достаточно состоятельные, чтобы загодя подумать о жизни загробной.

Шум не умолкал. Хао Дэ нехотя поднялся с топчана и взял в руки масляный фонарь, освещавший его комнатушку. Выйдя на улицу и отперев ворота, он с удивлением увидел перед ними повозку, запряженную четырьмя лошадьми, и грузную фигуру возницы с кнутом в руке. Черт в сумерках было не разобрать, но Хао Дэ показалось, что человек выглядел уставшим.

– Что угодно, господин? – с удивлением произнес смотритель.

Обычно посетителей здесь в такое время не было.

– Открывай скорее, – нетерпеливо бросил возница. – Тело военачальника Вэя Шэнли доставлено для упокоения в ро-

довой гробнице Ли.

– Ах вот оно что! – засуетился Хао Дэ. – Как же, как же! Супруга господина Вэя уже побывала здесь и привезла всю необходимую утварь. Не далее, как сегодня днем!

– Госпожа Вэй Инъэр здесь? – удивился возница.

– Ну, как вам сказать... Не прямо здесь. Госпожа Вэй в Аньяне, в гостинице, но все необходимое для похорон уже привезено и ожидает в усыпальнице. Я бы советовал и вам, уважаемый господин, заночевать в Аньяне, и уже утром...

– Что ты несешь! – раздраженно выкрикнул приезжий. – Да знаешь ли ты, какие важные люди пожалуют на похороны военачальника Вэя? Старый дурак! Да если что-то не будет приготовлено в срок, ты представляешь, какой позор падет на почтенную семью из-за твоей нерадивости? Сейчас же пропусти нас. Мы с помощником вытащим тело, а ты отправляйся в Аньян и извести госпожу о нашем прибытии.

Хао Дэ обескураженно воззрился на гостя. Не так он ожидал провести сегодняшний вечер.

– А где же ваш помощник, позвольте спросить? – произнес он растерянно.

– Загляни в повозку и посмотри сам, – ответил возница. – Все документы при мне, так что заканчивай прохлаждаться и поторопись.

Хао Дэ обошел повозку сзади и, откинув полог, заглянул внутрь. В ноздри ему ударил неприятный запах уже начавшего разлагаться тела, а в глубине, за большим пристегну-

тым ремнями чаном, в котором лежал покойный, он заметил сторбившуюся человеческую фигуру. Должно быть, это и был помощник. Смотритель поспешно задернул полог, стремясь поскорее вдохнуть свежего воздуха, и снова приблизился к вознице. Тот, склонившись к нему, протянул связку с монетами.

– Это тебе за труды. Время все-таки неурочное. Но и у нас дело, не терпящее отлагательств. Думаю, мы с тобой можем оказать друг другу услугу?

Хао Дэ поспешно закивал. Связка с монетами помогла ему решиться.

– Конечно, господин! Я проведу вас к усыпальнице. Внешний ключ у меня есть, но вот внутренние помещения могут отпереть только родственники.

– Так скачи скорее в Аньян за госпожой, – нетерпеливо произнес возница.

Дао Хэ пошире открыл ворота, вернулся к себе в каморку, чтобы взять нужный ключ и, освещая фонарем путь, двинулся по улицам города мертвых к одной из самых роскошных и величественных усыпальниц. Он отпер ворота, пропустил повозку внутрь, а сам побежал седлать кобылку, чтобы мчаться в Аньян, покуда госпожа Вэй Инъэр не отправилась почивать.

Как только шум удаляющихся копыт на дороге стих, Хо Ченглей облегченно выдохнул и сообщил своему господину:

– Все, теперь можно оттуда выбираться.

Вэй Шэнли вылез из повозки, шумно вдохнул чистого ночного воздуха и в изнеможении опустился прямо на землю, прислонившись спиной к ободу ближайшего колеса. Выглядел Вэй нехорошо. Ченглей спешился, приблизился к господину и озабоченно произнес:

– Надо бы раздобыть факел.

Тот указал в сторону ближайшей постройки.

– Посмотри у входа. Около двери должен быть и факел, и кремень.

Толстяк тяжело прошагал в указанном направлении и через некоторое время двор усыпальницы осветили два факела, вставленные в гнезда по обе стороны от входа во внутренние помещения. Из седельной сумки Ченглей принес две фляги с водой, и какое-то время оба они молча утоляли жажду. Затем слуга задумчиво произнес:

– Надеюсь, госпожа приведет с собой подмогу. Иначе нам вдвоем придется вытаскивать этот чан!

– Инъэр умная женщина. Она явится одна, – ответил ему военачальник. – Лишние глаза и уши в этом деле ни к чему.

И когда толстяк мученически застонал, совсем как обвиняемый на допросе, с усмешкой добавил:

– Ни к чему вытаскивать чан, Ченглей. Достаточно вынести тело. А с этим мы и вдвоем управимся.

Затем он надолго замолчал, и слуга начал опасаться, что опасная хандра, поглощавшая Вэя последние дни и делающая взгляд его пустым, а сердце безучастным, возвращается

вновь. Ченглея, видевшего господина и в пылу битвы, и раненого, и во время болезни эта хандра пугала гораздо больше всего остального. Он опустился на землю напротив Вэй и, заглядывая в лицо, строго произнес:

– Вы должны взять себя в руки.

Вэй не ответил ему.

– Подумайте о своей супруге! – горячо продолжил слуга. – Каким она увидит вас, когда явится сюда? Сломленным и опустошенным? Обессиленным? Вспомните, на какие жертвы пошла госпожа Инъэр, чтобы сохранить вам жизнь! Сколько ей пришлось и еще придется вынести ради чести семьи Вэй и ваших детей!

Эти слова, казалось, произвели должное впечатление. Вэй встряхнулся и, словно увидев себя со стороны – оборванец с затравленным взглядом привалился к грязному колесу – безглаголиво сплюнул и поднялся на ноги.

– Ты прав. Нельзя, чтобы Инъэр увидела меня таким.

«Тем более, что это будет наша последняя встреча», – горько добавил про себя военачальник и направился ополоснуть лицо и руки в большой купели, стоявшей во дворе.

Когда Инъэр зашла в освещаемый факелами двор усыпальницы, то увидела опечаленного, раненого бедой человека. Однако человек этот не был сломлен и раздавлен. Взор его, пусть и потерявший гордый блеск, хранил в себе решимость сражаться до конца, готовность встретить врагов с мечом в руке, а не со склоненной головой. Вэй широко рас-

кинул руки, приветствуя жену, и Инъэр бросилась к нему в объятия, не в силах сохранять хладнокровие. Он позволил супруге выплакаться, обнимая ее и тихим мягким голосом произнося слова ободрения. ЧенглеЙ учтиво скрылся в тени, чтобы не смущать ни его, ни ее.

Когда силы Инъэр, казалось, иссякли, она подняла на мужа припухлое от слез лицо и твердо произнесла:

– Пора, муж мой. Нужно многое успеть, пока не взошло солнце.

Инъэр привезла с собой немого раба, ожидавшего в повозке за оградой. Раба позвали, и общими усилиями мужчины вытащили из повозки тело и занесли его в отомкнутые Инъэр внутренние помещения. Сразу после входа лестница уходила вниз, и то, что снаружи казалось приземистым прямоугольником, внутри представляло собой несколько расположенных на глубине обширных залов, богато украшенных и соединенных между собой широкими проходами.

На покрытых искусными барельефами стенах мерцали в свете факелов оружие и щиты. Глиняная и бронзовая утварь, в избытке расставленная в нишах, была здесь для того, чтобы почившие члены семьи Ли не испытывали недостатка ни в чем в своей загробной жизни. Тут были и изящные лакированные приборы для еды, и шкатулки с украшениями, и элегантная одежда... Каждый зал вмещал несколько массивных каменных саркофагов, скрывавших в себе внутренние гробы из ценного дерева, где и нашли свое пристанище предки Вэя

Шэнли по материнской линии.

Инъэр провела мужчин в дальний зал, в котором был приготовлен саркофаг для самого военачальника. Тело было омыто, облачено в начищенные до блеска доспехи, на голову водружен шлем. Все это было сделано споро и деловито, почти в полном молчании. Каждый из собравшихся знал, что время дорого, а слезы и причитания не принесут никакой пользы. Мужчины работали вместе – раб, слуга и господин. Инъэр скупыми фразами отдавала распоряжения. Теперь она старалась держать себя в руках. Когда основная часть дела была сделана и покойник уложен во внутренний гроб, она сама опустила на него крышку из тонкой полупрозрачной слюды и, защелкнув хитрый замок, наконец, с облегчением выдохнула.

– Посмотри, – с печальной улыбкой обратилась она к мужу, указывая изящной рукой на гроб. – Эту крышку можно опустить лишь раз. Любому, кто захочет увидеть в последний раз тело военачальника Вэя Шэнли, будь то Тянь Ху или кто-то другой, стоит только склониться сюда. Однако увидит он лишь тело в доспехах! Никто не узнает то, чего не должен знать.

Вэю не хотелось говорить с женой при посторонних. Он велел Ченглею и рабу ждать в усыпальнице, а сам поднялся с Инъэр наружу. Она вынесла из зала циновку, и они устроились на ней, глядя друг другу в глаза и взявшись за руки.

– Прости меня, Инъэр, – сипло проговорил Вэй, не сумев

совладать с голосом от избытка чувств. – Никогда я не думал, что нам придется с тобой расстаться. А о том, чтобы расстаться вот так, не мог и помыслить.

Инъэр печально посмотрела на мужа.

– Ты будешь жить. Это главное. Лун Гуанмин заверил, что отвезет тебя в место настолько удаленное, что ни император, ни кто-либо еще никогда не найдет тебя там.

– Верный друг Лун Гуанмин! – воскликнул Вэй. – Спасает не только мою жизнь, но и честь моей семьи.

– Твоя дочь и его сын связаны брачным договором, – усмехнулась Инъэр. – Никто не хотел бы обручить сына с дочерью изменника. Он спасает и свою честь!

Какое-то время они провели, в молчании касаясь пальцами ладоней друг друга. Вэй знал, что этой ночью прикасается к ней в последний раз, однако сил на что-то еще у него не оставалось. Он вглядывался в лицо Инъэр и старался прочнее впечатать в память черточки ее красивого лица. Так много в его жизни было связано с этой женщиной! Столько счастливых лет за плечами, столько преодоленных рука об руку трудностей. В глазах ее собирались слезы, да и глаза самого Вэя предательски блеснули.

Он мечтал о том, чтобы хоть на несколько коротких мгновений увидеть и остальную свою семью – детей и красавицу Янвэй. Однако понимал, что это более невозможно.

– Я даю тебе разрешение вновь выйти замуж, – прошептал он пересохшими губами.

Жена ничего не ответила.

– И прошу, – продолжил Вэй, чуть крепче сжав ее пальцы, – позаботься о Янвэй.

– Не беспокойся об этом, – тихо произнесла она. – Судьбу маленькой Мин ты уже устроил, а о наших детях и о Янвэй я позабочусь.

Лицо ее дрогнуло, и в неверном факельном свете, освещавшем двор, Вэй Шэнли заметил блестящую слезу, показавшуюся по ее щеке. Он поднялся и в порыве чувств крепко прижал Инъэр к себе. Этим двоим, что многие годы провели в счастливом супружестве и знали друг друга так хорошо, не нужны были слова, чтобы передать все, что было на сердце. Так они просидели еще какое-то время, пока Инъэр вновь не взяла себя в руки.

Остаток ночи им предстояло провести порознь. Переодевшись и приняв пищу, Вэй с Ченглеем должны были на рассвете отбыть к Лун Гуанмину в Цилу, получив необходимые сопроводительные документы. Инъэр же предстояло присутствовать на похоронах и окончательно убедить всех, что ее супруг погиб в военном походе, куда отправился по велению императора.

Перед самым расставанием жена дала ему шкатулку, куда она и Янвэй сложили самые дорогие и красивые свои украшения – шпильки, подвески, серьги. Поначалу Вэй не хотел принимать этот дар, однако жена настояла, сказав, что там, куда он направляется, драгоценные украшения пригодятся

больше ханьских денег. И Вэй согласился. Ему не хотелось омрачать спорами последние мгновения, что они проводили вместе. С первыми лучами солнца кончалась его жизнь. Вэй сказал себе, что расставшись с женой, расстается со всем, чем был раньше. Больше не будет на земле военачальника Вэя Шэнли. Будет кто-то иной. Но кто это будет, Вэй пока не знал сам.

ГЛАВА IX

С первыми лучами солнца Вэй Шэнли и Хо Ченглеи верхом, одетые в непримечательные одежды странствующих наемников, выехали в Цилу. Главный город этих мест, Цзимо, как и многие другие портовые города, был местом шумным, где жизнь не прекращала кипеть никогда. На окраинах города ютились бедняцкие лачуги, чьи хозяева, чтобы прокормить себя, выходили в море за уловом или нанимались на тяжелые работы в порту. Однако, чем ближе к сердцу города, тем богаче становились дома. Из-за окружавших их изгородей виднелись плодовые деревья. Сами изгороди становились основательнее: не плетеные загородки, а кирпичные стены, иногда отделанные бордюром и фресками. Улицы расширялись, встречные люди выглядели представительным и важно. Самые роскошные усадьбы стояли около набережной – на достаточном удалении, чтобы не подвергаться опасности во время штормов и наводнений, однако в непосредственной близости к живописным морским видам и благоустроенным местам для прогулок горожан.

Именно здесь и находился дом Лун Гуанмина. Сам хозяин не часто появлялся здесь. Свободное от службы время он предпочитал проводить с семьей, которая жила в Чжэнсяне, недалеко от столицы, однако и этот дом всегда был готов принять своего господина.

Именно отсюда, из Цзимо, уходили экспедиции, посылаемые императором на поиски чудес и новых земель¹⁰. Год за годом, дождавшись установления благоприятных условий на море, отважные мореходы, нагрузив корабли шелком и оружием, отправлялись в неизведанные просторы, готовые и к торговле, и к встрече с чудесами. Никто иной как Лун Гуанмин был тем человеком, который несколько лет назад впервые нанес на карту путь к загадочным восточным островам, где обитал народ Ва.

Бессмертных в тех краях обнаружено не было, однако превосходный жемчуг, который Лун Гуанмин привез из экспедиции, а также рассказы о дикарях, еще не узревших света Поднебесной, пробудили в императоре интерес. И в этом году вновь корабли под командованием Лун Гуанмина с весной должны были отправиться в нелегкий путь к восточным островам.

К усадьбе этого отважного морехода и подъехали как-то в вечерних сумерках двое утомленных дорогой всадников. Слуги встретили их и без лишнего шума провели в дом, где путникам была предложена еда и отдых. Самого Лун Гуанмина ожидали со дня на день. А до этого времени его гости могли восстановить силы, не покидая усадьбы и не привлекая нежелательного внимания.

¹⁰ Императоры древнего Китая неоднократно посылали экспедиции, чтобы отыскать неземных бессмертных. В те времена считалось, будто их обитель находится где-то на краю мира. Властители Поднебесной верили в то, что бессмертные могут даровать счастье, и не жалели средств, чтобы разыскать их.

На исходе этой же луны из Цзимо отправились два корабля с гордыми названиями «Бессмертная Владычица» и «Феникс Запада». Лун Гуанмин, который вел эти корабли, шел на «Владычице». В команде его корабля прибавилось двое: матрос грузного сложения и картограф – человек замкнутый, редко показывающийся на палубе. Большую часть времени он проводил в каюте, которую делил с самим Гуанмином, в то время как остальные члены команды, включая первого помощника, довольствовались общим помещением для сна и отдыха.

Ремесло морехода опасно и тяжело. Это известно каждому, кто хоть раз кинул взгляд на бескрайние морские просторы, на расстилающуюся на сколько хватает глаз гладь, в мгновение способную вздыбиться и поглотить судно, будь то лодка или огромный корабль. Отправляясь в путь, моряк прощается с женой и детьми так, будто покидает их навеки. Оттого и сладки поцелуи перед расставанием. Оттого бледны мореходские жены, и радостны как безумные в тот миг, когда пришла весть о благополучном возвращении корабля. Лун Гуанмин мог сосчитать по пальцам одной руки походы, из которых возвращалась в Цзимо вся его команда. После таких возвращений он шел в храм и истово молился, благодаря Небо и морских духов за то, что слезы миновали тех, кто ждал на берегу их возвращения. Жестокие штормы налетали на корабли. Тучи заволакивали небо, закрывая звезды, что служили ориентирами морякам. Мор нападал, унося жизни

храбрецов-мореходов. Но что бы ни случилось, Лун Гуанмин твердой рукой вел корабли дальше, веря, что за волнами и туманом, у самого горизонта, их ожидают новые земли, приключения и награда, достойная всех приложенных усилий.

Путь до восточных островов не был легким и в этот раз. Двадцать дней шли корабли, то сражаясь с волнами и ветром, то застревая в мертвом штиле. Дважды морской вал смывал в пучину людей и бездна поглощала несчастных без следа. Рвались циновки парусов. Тучи скрывали звезды, сбивая мореходов с курса. Оттого, когда утром двадцать первого дня из устилавшего горизонт тумана выступили темные очертания скал с кривыми деревьями, растущими у самой воды, радостные вопли огласили палубы кораблей, и людей счастливее моряков трудно было сыскать.

Вышел на палубу и картограф. Заложив руки за спину, он, щуря глаза, вглядывался вдаль, словно человек, силящийся разглядеть в рваных клочьях тумана нечто необыкновенное. Что ждет его за этим туманом, в землях, не знающих света конфуцианства? Страха не было в его душе. Вэй Шэнли утратил его вместе с надеждой. Страх остался в Поднебесной вместе с женой, детьми и прекрасной Янвэй. А то, что ждало его впереди, было пока что неизвестно.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.